

отдавать преимущество перед ними династиям «своим», исконно египетским (политически, а не обязательно этнически, см. выше);

– чужеземных завоевателей, которые, опираясь на свои политии, покорили Египет, но так и не институционализировали свое владычество над Египтом по египетскому образцу (ассирийцы), – Манефон не включает в свой династический список вовсе.

II. Манефоновские принципы построения династического ряда и легитимность правителей. Царский перечень Манефона и новоегипетские царские списки: общее и различия.

Итак, Манефон пытался строить свой царский список так, чтобы учтенные в нем сроки правления действительно образовывали непрерывный и последовательный ряд, и при известном ему параллельном правлении царских домов стремился отбирать в этот ряд представителей только одного из них для каждого отрезка времени. Это автоматически подразумевало необходимость исключать из получающегося династического ряда многих царей, включавшихся в традиционные египетские царские списки (наподобие Туринского канона), служившие Манефону источником: в этих списках параллельные царские дома приводились как раз целиком (если уж считались законными), см. подробнее ниже. У Манефона, однако, при его системе построения династического ряда как последовательного просто не было иного выхода, чем исключать из своих династий какие-то царские дома или их сегменты, если он знал, что параллельно им правили другие царские дома¹⁵³.

---

¹⁵³ Ярким примером здесь является обращение Манефона с царями-египтянами гиксосского времени. В своем нарративе Манефон прямо сообщает, что параллельно гиксосским царям Авариса правили «цари Фиваиды» и «других египетских земель», и ранние из них были покорны гиксосам, а позднейшие восстали против гиксосов (Contr. Ap. § 85: «После же этого, — говорит он [Манефон], — против пастухов восстали цари Фиваиды и других египетских земель»). Отметим, что эта фраза подразумевает одновременное правление какого-то царя-египтянина в Фиваиде и каких-то иных царей-египтян в «других египетских землях», так как иначе – например, если бы имелось в виду, что «цари Фиваиды» и правили этими «другими египетскими землями» – невозможно было бы сказать, что они «восстали / подняли восстание» против гиксосов во мн. числе, как стоит в тексте: если бы по мнению Манефона в Египте, кроме гиксосской политии, имелось только одно царство, состоявшее из Фиваиды и других египетских земель, то начать восстание против гиксосов мог бы лишь какой-то то определенный царь этого царства в ед. ч., а не «цари»).

Тем самым Манефон должен был проводить выбор: кого именно из параллельно существовавших (по его собственным сведениям) в разных частях Египта правителей включать в свой династический перечень, а кого оставить за рамками последнего. Некоторые манефоновские критерии такого отбора были прослежены выше. В связи со сказанным, однако, у читателя мог бы возникнуть вопрос: руководствовался ли Манефон при этом отборе некими своими представлениями о легитимности того или иного египетского царя, и не было ли само его решение выстроить *последовательный* династический ряд (отбирая в него одних из известных ему из его источников параллельно правивших царей, и опуская других, так же и оттуда же ему известных) плодом намерения отсеять нелегитимных с точки зрения Манефона правителей и получить непрерывный перечень из легитимных (легитимность царя Египта в этом случае оказывалась бы у Манефона неразделенной и просто передавалась от одного правителя к последующему)? И не мог ли Манефон при этом

Тем не менее в царском перечне Манефона все аварисское время представлено как время трех *последовательных* династий (подробнее см. ниже, с. 147–161, но видно это уже из того, что все продолжительности правлений династий манефоновского второго томоса суммируются в один временной промежуток, см. с. 93). Это само собой означает, что в эти последовательные династии вошли не все цари Фиваиды и других египетских земель и не все цари Авариса, а только некоторые их сегменты. И действительно, более детальное сравнение нарратива и перечня (см с. 147–161) показывает, что в династический перечень Манефона из упомянутых им же самим «царей Фиваиды» и царей «других египетских земель» гиксосского времени вошли лишь 5 фиванских царей (в качестве манефоновской XVII династии); цари «других египетских земель», упомянутые в нарративе самим Манефоном, остались вне этого перечня вовсе. При этом время существования первых 6 аварисских царей представлено в перечне Манефона как правление аварисской династии из 6 царей (XV-й по Африкану), а фиванские их современники, о существовании которых Манефон знает, как известно из его нарратива, в его перечне династий не учтены; финал же гиксосского времени представлен в манефоновском перечне, напротив, как время правления фиванской (XVII-й по Африкану) династии, и тут уж их гиксосские аварисские современники не отражены. В Туринском каноне, между тем, перечислено намного больше одних только фиванских царей гиксосской эпохи (в соответствии с реальным количеством правивших в то время в Фивах царей), чем вышеупомянутые 5 фиванцев династического ряда Манефона (сверх которых в этот ряд для гиксосского времени Манефон вообще никаких правителей-египтян не включил).

определять легитимность правителя по каким-то разработанным им представлениям, отразившимся в тех самых его критериях отбора в династический ряд, что были независимо выявлены выше?

Ответ на эти вопросы должен быть отрицательным. Во-первых, будь намерение Манефона таково, как сказано выше, он и в своем нарративе не именовал бы «царями» одновременно правящих в разных частях Египта правителей (между тем, как упоминалось, в гиксосский период согласно Манефону в течение некоторого времени правили одновременно гиксосские цари, «цари Фиваиды» и «[цари] других египетских земель»).

Во-вторых, априори невероятно, чтобы Манефон по каким-то своим соображениям пересматривал легитимность правителей по сравнению со сведениями, полученными им из его источников (по отношению к которым он был прежде всего компилятором). «Легитимными» правителями для Манефона должны были быть просто те правители, что были включены в царские списки, с которыми он работал (само включение правителя в такой список подразумевало, что стоящая за данным списком официальная и / или храмовая традиция признает этого правителя законным египетским царем-несу¹⁵⁴). Ни Манефон, ни иной египетский историк не мог бы

---

¹⁵⁴ Поясним для читателя не-египтолога самым кратким образом: египетские «цари» *несу* / *несу-бити* (то есть те самые, кого включали в царские списки) – это люди, которых считали рожденными от верховного бога (сливавшегося в момент зачатия с физическим отцом соответствующего лица) и смертной женщины для осуществления оформленной должными ритуалами «царской» власти над Египтом (*несит*, «несу-тства»= «царственности»; прежде всего речь идет о коронационном ритуале, инициирующем реализацию данным лицом – по воле богов – выданного ему этими богами мандата на осуществление «царственности, а также устанавливающим соответствующую связь между ним как царем и богами. Указанный мандат считался пожизненным). Эти люди могут поступать и править лучше или хуже, в том числе очень скверно – в последнем случае они попросту идут против божественного начала в своей природе, но *несу* быть не перестают. Все эти *несу*, будь они безупречными или проступающим, оставались противоположны уже по своей природной божественности и связи с богами всякому, кто занял престол Египта, *не будучи в действительности* сыном верховного бога и/или не установив с богами положенной связи в ходе интронизационных обрядов, т.е. не являясь *несу* (такой властитель по определению оказывался узурпатором, и *несу* быть не мог независимо от того, как долго и успешно он сидел на престоле *несу*). Быть *несу* означало не просто осуществлять «должность» монарха, занимать царский престол, но занимать

брать на себя ответственность определять по каким-то своим собственным критериям, что такие-то правители и группы правителей династий, заявленные в используемых ими традиционных египетских источниках (прежде всего как фигуранты царских списков) как законные цари / *несу*, и в самом деле были таковыми, а вот другие значащиеся там же в том же качестве правители – уже не были, и в царские списки их включили зря. У Манефона не было никаких причин и оснований пересматривать традиционные, пришедшие к нему через посредство царских списков и иных авторитетных для него источников представления о том, кто был легитимным правителем Египта (царем-*несу*), а кто не был.

Такие вопросы могли бы вставать перед Манефоном лишь в том случае, если бы разные его источники противоречили бы друг другу в этом вопросе по поводу того или иного царя. Подобные ситуации в самом деле возникали иногда в египетской традиции: так, например, Хоремхеб и XIX династия исключали (как это известно, в частности, из царских списков времени последней) амарнских государей из числа законных царей Египта, а в династический перечень Манефона все они включены – следовательно, Манефон руководился в этом вопросе какой-то альтернативной египетской традицией царских списков, в которой амарнские правители все же включались в число *несу*. Аналогично, XX династия официально считала предшествовавшее ей правление царицы Таусерт годами скверны и интеррегнума, когда в Египте вообще не было царя, то есть полностью отрицала легитимность Таусерт, однако в манефоновском списке царей XIX династии на последнем месте стоит Туорис (*resp.* Таусерт); значит, и тут в распоряжении Манефона был царский список, отражавший точку зрения на Таусерт, противоположную позиции XX династии¹⁵⁵. По отношению к самим гиксосским царям

его по праву божественного предопределения и рождения от верховного бога на управление Египтом для его процветания – праву, которое ввели в осуществление боги в ходе ритуалов интронизации.

¹⁵⁵ Подчеркнем, что Манефон мог знать о правлениях Эхнатона и его преемников или о правлении Таусерт и сроках этих правлений (также приведенных у Манефона) только из царских списков. Тем самым и получается, что одни изводы традиционного перечисления царей включали Эхнатона или Таусерт (и именно к таким изводам восходили царские списки, на которые в итоге ориентировался в данных случаях Манефон), а другие (выражавшие соответствующие официальные подходы XIX и XX династий) – нет.

Камос и цари XVIII династии проводили тот взгляд, что это были иноземные враги, а не законные цари Египта (в надписях Камоса атакуемый им гиксрссский царь Авариса – «владелец Речену», «мерзкий азиат», которому надо вспороть живот, в надписи Хатшепсут из Спеос-Артемидос гиксосские правители Авариса – разрушительные «бродяги-*шмау*», управлявшие «без Ра»), а при XIX династии в придворной «Сказке об Апопи и Секененра» гиксосский царь Авариса той эпохи, когда Фивы признавали еще верховное владычество гиксосов, по-прежнему рассматривается как представитель «азиатов», но при этом всемерно признается законным египетским царем-*несу* (хотя само существование его в этом качестве рисуется как «беда» Египта), а в Туринский канон включены 6 гиксосских царей Авариса¹⁵⁶. Манефон, как видно из включения им ряда гиксосских царей Авариса в его перечень, руководился вторым подходом.

Однако и в том гипотетическом случае, если бы Манефон столкнулся с подобными разногласиями в своих источниках (то есть по одним используемым им спискам такие-то были царями, а по другим – нет), для выбора между ними Манефону не нужно было бы придумывать какую-то свою систему оценки легитимности; он либо принял бы решение, которое счёл бы более правильным в рамках обычных представлений своего времени или более подходящим для построения непрерывного династического ряда, либо просто доверился бы тому из списков, который представлялся ему более авторитетным. Если же ни один из использованных Манефоном источников (прежде всего царских списков) не включал того или иного правителя в качестве легитимного царя, то такому правителю неоткуда было бы появиться и в династическом перечне Манефона.

Далее, нет никаких оснований думать, что когда Манефон не включал в свой династический перечень того или иного царя, известного ему из царских списков, то в этом заключалось какое-то посягательство Манефона на легитимный статус этих «отсеченных» им царей, сомнение в этом статусе. Более того, мы уже приводили основание для противоположного вывода: Манефон сам называет «царями» правителей Фиваиды и других египетских земель гиксосского времени, но в свой царский перечень включает лишь малую толику из них – нескольких из правителей Фиваиды

---

¹⁵⁶ См. [Банщикова 2015: 116–122].

(прим. 153). Невключением правителя в свой царский перечень Манефон не отказывал ему в статусе *несу*, а просто не вводил его в последовательный «династический» ряд своего труда, служащий этому труду непрерывно-хронологическим каркасом¹⁵⁷.

Аналогичным образом, кстати, селективные царские списки времен XIX династии (Саккарский, Абидосский), начертанные в храмах, вовсе не призваны были непременно передавать своей селективностью, что *всех* пропущенных в них царей составители этих списков не считают легитимными царями – *несу* (ср.: многие пропущенные в этих списках цари в ту же самую эпоху значатся как *несу* в Туринском списке). Для определенной цели презентации исторического ряда составители этих селективных списков отбирали туда одних из легитимных с их точки зрения царей и не включали туда других (не включали они туда, конечно, и царей, определенных ими как вообще нелегитимные, например царей Амарны). Сходным образом поступал и Манефон, также проводивший для своего перечня определенный отбор из числа правителей, которых сам же должен был считать вслед своим источникам легитимными «царями», только Манефону, в отличие от составителей Саккарского и Абидосского списков, нужен был непрерывный, а не селективно разорванный хронологический ряд.

Соответственно, и все те манефоновские принципы составления царского списка, о которых было написано выше – это не не правила, по которым Манефон определял легитимность былых правителей (в этом вопросе он должен был просто ориентироваться на свои источники), а правила, которые он принял для себя при решении

---

¹⁵⁷ Аналогично: если современный историк в своем хронологическом каркасе составленной им сводной истории Египта дает последовательность «XXII династия – до такого-то года, XXIII династия – с этого года», он никоим образом не хочет этим сказать, что из нескольких линий *несу*, титуловавшихся так и часто взаимно признававших друг друга в этом качестве в соответствующую эпоху (относящихся к XXIII династии, продолжавших XXII-ю династию и т.д.), он сам считает легитимной для каждого отрезка времени только одну из этих линий, а остальные считает нелегитимными. Наш условный историк просто хочет для удобства восприятия истории Египта представить ее как непрерывный ряд династических промежутков, не оговаривая в хронологической таблице или периодизации, что вообще-то параллельно данной династии в такое-то время правили и иные, не менее «легитимные» цари и династии (хотя в нарративной части текста своей работы тот же историк может это и отразить).

вопроса о том, из каких именно сегментов перекрывающихся (если он об этом знал) династий традиционного египетского членения он будет комплектовать выстраиваемый им непрерывный династический ряд, а какими сегментами жертвовать и в этот ряд их не включать — ведь какими-то из этих сегментов приходилось жертвовать в любом случае, иначе ряд получился бы заведомо для самого же Манефона уже не последовательно-непрерывным,

Поскольку применением таких приемов отсечения сегментов параллельных династий, «не влезających» вместе друг с другом в непрерывный последовательный ряд, Манефон никак не посягал на царский статус царей, не взятых им в этот ряд, то и приемы такие он мог вырабатывать сам, не превышая свой, так сказать, уровень ответственности и компетентности ученого египтянина, передающего египетскую традицию (а не пересматривающего ее по какой-то собственной оригинальной концепции). Какие-то приемы на этот счет, повторим, вырабатывать ему нужно было в любом случае, так как иначе он не смог бы получить нужный ему последовательный ряд, работая с материалом традиционных царских списков, не ставивших себе целью построение такого ряда и стремившихся приводить параллельные и перекрывающиеся по времени династии полностью.

Итак, в самом своем желании разбить историю Египта именно на *последовательные* династические куски (что традиционным египетским спискам царей было чуждо), Манефон руководился не какими-либо своими соображениями относительно легитимности бывших правителей и не стремлением представить новый, «отредактированный» им согласно таким его соображениям список царей. Но раз так, то почему же он вообще хотел построить династический перечень из последовательных сегментов (что и вынуждало его исключать из него каких-то представителей / какие-то сегменты параллельно правивших династий) и вырабатывал прослеженные выше специальные алгоритмы этого построения вместо того, чтобы просто воспроизвести традиционную модель полных царских списков наподобие Туринского, где параллельные царские дома приводились полностью?

Ответить на этот вопрос можно только гипотетически. Нам представляется, что оснований для такого выбора у Манефона могло быть немало. На первом месте среди них можно назвать удобство греко-македонского читателя, желание следовать привычной ему

модели представления истории страны (модели, действительно более простой и ясной для восприятия и сразу дающей более четкое представление об этой истории), которая включала бы непрерывно-последовательный хронологический каркас, составленный как цепочка правлений; в дополнение к этому Манефон, вероятно, стремился воспроизвести традиционное для египтян перечисление царей именно по династиям (разбитым вдобавок на большие группы династий; им у Манефона соответствуют блоки династий, каждому из которых уделен свой томос) – именно такую схему дает Туринский канон.

Сочетание желаний представить каркас истории Египта по «династиям», следуя традиционному египетскому взгляду, но в то же время вводить (в отличие от традиционных царских списков) искомые династические отрезки как последовательно-хронологические этапы (для удобства читателя, прежде всего иноземного, и лучшего восприятия им египетской истории) и должно было бы дать именно такую схему, которую мы находим у Манефона.

Добавим, что согласно сведениям, приведенным Синкеллом, Манефон составил свой труд, следуя Бероссу, по его образцу (FGrHist. 610. T. 11), то есть использовал уже имеющийся пример грекоязычной истории ближневосточной страны, созданной ученым носителем местной традиции для пришлой грекоязычной элиты. А Беросс как раз и рисовал историю древней Месопотамии как историю сменяющих друг друга династий. У Беросса, однако, при этом не возникало надобности выработать какие-то нетрадиционные алгоритмы построения династического ряда: в Месопотамии уже давным-давно, с XXI в. до н.э. (время составления Шумерского царского списка) было принято считать и представлять в списках древние династии, в реальности параллельные / перекрывавшиеся, последовательными. Беросс просто воспроизводил эту вошедшую в традицию манеру, да обычно и не мог бы знать, что на деле такие династии были современны друг другу. У Манефона положение было иное: он точно знал в ряде случаев, что тогда-то страна была разделена и ряд династий, приведенных в используемых им списках, правили параллельно в разных ее частях; чтобы, аналогично Бероссу, представить при этом историю своей страны как цепь последовательных династических этапов, Манефон должен был именно выработать новый для египетской традиции алгоритм построения династического перечня и отсекал отдельные сегменты

параллельных династий при его комплектовании. Таким образом, упоминаемое у Синкелла подражание модели Беросса должно было оказаться важным фактором, определяющим решение Манефона строить из материала царских списков хронологически-последовательный ряд.

Наконец, дополнительным фактором могло стать желание представить какую-то непрерывную и при этом исторически основную, «становую» линию исторической жизни страны – уже не просто для удобства читателя, а в силу ощущения, что такая линия в ней действительно была. Это лишь отвечало бы тому достаточно устойчивому постулату египетской идеологии, что в каждый момент времени в Египте *в норме* (то есть при «правильном» положении дел) должен существовать только один законный царь, сын бога от сакрального брака. Этот постулат могли поневоле подвергать ревизии в эпохи раздробленности сами сосуществующие друг с другом цари – ради того, чтобы обеспечить себе возможности мирного сосуществования с соседями, взаимно признав статус друг друга во избежание лишней для них самих напряженности, или поневоле, но, вообще говоря, в египетской традиции такое разделение царственности считалось ненормальным: его участники и постфактум могли признаваться параллельно правившими *несу*, но сам тот факт, что их было несколько в одно время, мог рассматриваться как признак аномальной, бедственной и нежелательной ситуации, в которой тогда пребывал Египет¹⁵⁸. Представляется правдоподобным,

---

¹⁵⁸ О соответствующей концепции разделенной царственности (с признанными таким образом царскими титулами считались и потомки в эпохи нового единства страны, как видно из включения в Туринский канон ряда параллельно правивших царских домов I и II Переходных периодов в полном составе этих домов) см. Ладынин, Немировский 2007. Ср.: в знаменитой новоегипетской Сказке об Апопи и Секененра (дошла на папирусе XIII в. до н.э. – Саллье I), оба эти царя, аварисский Апопи и фиванский Секененра, обозначаются термином *nsw* (*несу* – законный египетский царь), с положенными при этом картушами вокруг имени, благопожеланием «жив, невредим, здоров!» и т.д., то есть рассматриваются авторами Сказки как «порогово легитимные» египетские государи, правящие при этом одновременно в разных частях страны, – но вместе с тем первый же пассаж Сказки подчеркивает, что само это положение аномально и бедственно, так как полноценно-легитимного, т.е. единогодержавного египетского царя, властвующего над всем Египтом, а сильнейшим из местных *несу* был вдобавок гиксос Авариса. В Сказке этот единогодержавный царь именуется искусственным

что Манефон – жрец эпохи полного единства Египта, настойчиво и ярко проводящий в своем труде концепцию единого божественного правления Египтом (сначала напрямую, потом – через полубогов и, наконец, через царей; именно в рамках этой концепции функционировал постулат о нормальной нераздельности легитимной царской власти в Египте) – мог стремиться и в своем династическом перечне задать схему непрерывной последовательной передачи некоего «исторически главного» компонента египетской государственности¹⁵⁹, хотя при этом вовсе не отрицал (а, напротив, прямо отмечал в своем нарративе) существование в эпохи разделения страны некоторых других законных «царей» в Египте, не входящих в этот династический перечень.

Подведем некоторые итоги. С нашей точки зрения, Манефон отсекает при составлении своего династического списка отдельные сегменты «династий», содержащихся в традиционных египетских царских списках, не потому что считает эти сегменты нелегитимными, а потому что такое отсечение неизбежно требовалось по самой его задаче: представить хронологический

выражением *неб-несу*, «владыка-царь», в противопоставление Апопи и Секененра, называемым просто *несу* (в рамках стандартной египетской терминологии различить *несу* времен разделенной царственности и нормального, единодержавного *несу* нельзя было вообще, так как сама эта терминология вырабатывалась для ситуации с неразделенной царственностью): «(Pap. Sallier I [подчеркиванием ниже выделены имена и титулы, взятые в царский картуш] 1,1) Случилось так, что страна Египет пребывала в беде: вот, не было владыки (*nb*)-жив, невредим, здоров!-царя (*nsw*) (в то) время. Когда это происходило, царь (*nsw*) Секененра – жив, невредим, здоров! – был государем (HqA) – жив, невредим, здоров! – Южного города [Фив]. Беда (же) исходила из города азиатов (AAtw). Владетель (*wr*) же (1,2) Апопи – жив, невредим, здоров! – пребывал в Аварисе (...). И вот было, что, что царь (*nsw*) Апопи – жив, невредим, здоров!...» и т.д.

¹⁵⁹ Сходную задачу могли, видимо, решать селективные царские списки наподобие Абидосского и Саккарского: вполне вероятно, что в них хотели отобрать неких «становых» носителей египетской царственности, обладавших ей, по представлению составителей, с наибольшей или порогово большой полнотой и успешностью (хотя и какие-то иные цари помимо этих отобранных тоже признавались легитимными царями – *несу*). Манефон мог преследовать сходные цели с тем отличием, что ему был нужен непрерывный, а не разорванный ряд правлений, так что таких «становых» носителей египетской царственности у него должно было оказаться больше (впрочем, и в Абидосский список включено существенно больше царей, чем в Саккарский).

каркас истории Египта как ряд последовательных разнодинастических промежутков – притом, что традиционные царские списки приводили свои династии «как есть», включая их параллельные и перекрывающиеся сегменты. В тех случаях, когда Манефон знал о таком перекрытии, ему неизбежно приходилось при составлении непрерывного ряда разнодинастических промежутков жертвовать какими-то кусками перекрывающихся династий традиционного египетского династического членения и не включать их в свои «династии» – не потому, что он считал эти куски нелегитимными вопреки используемому им источнику, а просто потому, что при названной его задаче ему приходилось каждый последовательный сегмент времени представлять как правление одной либо другой «династии» своего списка, а не как правление обеих их разом. Этим он еще отнюдь не отказывал в «царском» статусе пропущенным в конструируемом им непрерывном хронологическом каркасе царям.

Таким образом Манефон, с одной стороны, воспроизводил общее представление египтян о своей истории как о течении правлений разных династий (просто это течение могло разделяться на протоки/русла разных параллельных / перекрывающихся династий), а с другой – давал в своем перечне читателю одну линию течения преемственности власти, так сказать, выделял одно, главное ее русло, в то время как традиционные царские списки такой задачи не ставили. А в своем желании дать именно такой, хронологически-последовательный ряд правлений Манефон руководился в еще большей мере интересами и привычками греко-македонской аудитории, которой предназначал в первую очередь свой труд, и образцом Беросса, чем египетскими представлениями.

Остановимся теперь подробнее на том, насколько отличаются в результате Манефоновы принципы составления царского списка от принципов составления полных, не-селективных новоегипетских царских перечней, таких как Туринский канон (именно он сопоставим по полноте с манефоновским списком, а представленная в нем схема династического членения близко воспроизведена и у Манефона).

Новоегипетские царские списки связаны не с историописанием, а с заупокойным ритуалом и сами носят ритуальный характер, их цель – перечислить подлежащих неким формам почитания умерших царей (если речь идет о списках, высекаемых в храмах, то само

перечисление в них являлось формой такого почитания). Соответственно, в наиболее полных списках (таких, как Туринский) перечислены все представители каждого реального царского дома (точнее, все те из них, в ком составители списков видели порогово легитимных царей, *несу*, а не узурпаторов, см. с. 122, прим. 154, независимо от того, правили ли параллельно им какие-то другие цари; соотнесение этих параллельных правлений в рамках единого хронологического потока вообще не входит в задачи составителей этих списков и ими не отражается. В результате Туринский канон просто приводит подряд разные царские дома целиком, будь они параллельны или последовательны, и даже не оговаривает этого. Манефон (или какие-то его источники, если вышеприведенные правила были разработаны уже ими), напротив, создавал собственно историю, и его царский список был призван играть роль хронологического стержня этой истории, т.е. быть непрерывным и последовательным, не имеющим по возможности «перекрытий». Таким образом, Манефон ставил перед собой задачи, во многом резко отличные от задач составителей традиционных царских списков – ему необходимо было отобрать правителей из разных разных царских домов, укомплектовав ими непрерывный ряд последовательных правлений, так чтобы в каждый момент Египет в его династическом списке по возможности представлял только один правитель. Сознательного включения в «династии» перечня параллельно процарствовавших государей здесь оставалось избегать. Но, повторим, постольку, поскольку Манефон знал о таких параллельных правлениях и знал о переходах верховной власти или доминирования от одного из параллельно правящих домов к другому, он, отмечая при случае эти явления в своем нарративе, в своем царском списке отражал их по особому выработанному для этого алгоритму, выявленному выше (с. 88 сл.). Традиционные египетские царские списки были для Манефона лишь материалом, который он при подготовке своего царского списка перерабатывал по названному алгоритму.

Это, в частности, могло и должно было влиять на выбор Манефона в тех случаях, когда в одних его источниках такие-то правители рассматривались как легитимные цари, *несу*, а в других известных Манефону источниках те же правители исключались из числа *несу* как нелегитимные (не включались в списки царей и т.д.). В таких ситуациях на выбор Манефона между указанными точками зрения могло влиять то, не возникнет ли при принятии второй,

«негативистской» из них, разрыва в хронологической последовательности итогового царского перечня (составителей новоегипетских царских списков этот вопрос волновать не мог, так как они и не ставили себе задачей получить непрерывно-последовательный перечень правлений). В результате могли бы возникать ситуации, когда цари или группы царей, исключаемые из сколь угодно распространенных и авторитетных традиционных царских списков как нелегитимные (а такие исключения делались даже в самом полном из известных новоегипетских списков, Туринском каноне, см. ниже), в перечне Манефона тем не менее обнаруживались бы, если их упоминал как царей хоть какой-то доступный ему (прямо или опосредованно) местный или общеегипетский царский список. Например, если сколь угодно дурные правители, занимая престол, распоряжались Египтом в течение некоторого времени и притом безраздельно (не имея ни в какой части страны параллельно правившего царя-современника), то традиционные египетские списки все равно могли бы при желании опускать их как нелегитимных (именно так произошло с царями Амарны), но Манефон ради своей приоритетной цели – построения непрерывной последовательности царей – мог бы и включить таких правителей в свой царский список, если они значились царями хотя бы в одном из его источников – просто потому, что иначе его династический ряд оказался бы не непрерывным, а разорванным лакуной, на которую приходилось бы властвование названных правителей. Присутствие в манефоновской XVIII династии амарнских царей объясняется, возможно, именно такими соображениями.

Другое отличие манефоновского царского перечня от новоегипетских состояло как будто в том, что у Манефона признание тех или иных правителей египетскими царями могло сочетаться с такими негативными и уничтожающими оценками в их адрес, которые в глазах носителей египетской традиции II – начала I тыс. едва ли вообще были бы совместимы с признанием соответствующих правителей царями-несу. Так, Манефон включил в свой перечень гиксосскую династию Салитиса при том, что сам же рисует ее самыми черными красками и противопоставляет всем египтянам вообще, заявляя, что вся гиксосская династия Салитиса постоянно и все более стремилась искоренить сам египетский народ, *Contr. Ar.* § 81. Подобный подход: одновременно считать, что такая-то династия постоянно, неизменно и страстно хотела уничтожить сам Египет и египетский народ, и тем не

менее числить ее среди египетских царских династий в общем их перечне – был бы, как представляется, немислим для составителей традиционных новоегипетских царских списков (то есть списков *его несу*), так как в правителях, не просто плохих, а являющихся из поколения в поколение врагами Египта как такового и постоянно стремящихся уничтожить сам род египтян, видеть *несу* (или персонажей, которых допустимо было бы хотя бы приравнять к *несу*) было бы для них, надо думать, невозможно по самому определению *несу*¹⁶⁰; подобные правители оказывались бы полной противоположностью понятию о *несу* как таковом. Если уж составители традиционных царских списков, даже столь полных, как Туринский, исключали оттуда некоторых царей II династии, ответственных за ритуальную скверну и раскол страны¹⁶¹, хотя те Египту себя никоим образом не противопоставляли, – то тем более эти составители не могли бы включать туда таких правителей, которым сами же приписывали бы то, что приписывал Манефон своим гиксосам. Подчеркнем, что составители Туринского канона нескольких гиксосских правителей Авариса в свой царский список как раз включили (в качестве династии «*б хекау хасут*»), но они и не

---

¹⁶⁰ Поскольку *несу* – это правитель, получивший мандат богов на управление Египтом к вящему его процветанию, то плохой правитель, не исполняющий этого долга, быть *несу* при этом, конечно может, но в правителях, которые сами противопоставляют себя Египту и сознательно стремятся искоренять египетский народ, признать *несу* было бы, вероятно, во II тыс. невозможно (ср.: даже Эхнатон и его ближайшие преемники оказались для Хоремхеба и XIX династии достаточно плохи, чтобы лишить их задним числом статуса *несу*); «царь»-*несу* Египта (или любое существо, которое можно было хотя бы рассматривать как нечто подобное ему) мог быть хорошим или плохим правителем, но как могло бы во II тыс. создаться представление о династии *несу*, являющихся программными врагами Египта и египтян и стремящихся уничтожить их? То, что Манефон, тем не менее, рисует дело именно так, мы гипотетически предложили бы объяснять некими позднейшими переменами в египетском восприятии, связанными с осмыслением персидского владычества: египетские силы, восстававшие против персов, должны были объявлять персидских цпрей именно такими злодеями, какими Манефон рисует гиксосов, но и не считать персидских царей, владевших Египтом от Камбиза до Дария II, особой династией Египта было тоже невозможно – ведь параллельно с ними никто никакой частью Египта обычно не правил, в отличие от гиксосского или ассирийского времени, когда любое иноземное владычество шло параллельно непрерывным рядам местных египетских царей.

¹⁶¹ См. прим. 282.

видели в этих правителях таких тотальных врагов Египта¹⁶², какими их рисует Манефон¹⁶³.

А вот самому Манефону его вышеприведенные оценки в адрес соответствующих гиксосских царей отнюдь не помешали поместить их в качестве XV династии в свой царский перечень.

Аналогичным образом, если бы против правителя, сколь угодно нелегитимного согласно широко распространенной в Египте точке зрения, но при этом фактически распорядившегося поначалу всем Египтом, в какой-то момент выступил некий антагонист, который сверг его и занял престол в качестве правителя, по меркам египтян легитимного – то Манефон, согласно выявленному для него выше правилу II, мог бы включать в свой царский перечень и первого (при условии, что тот значился царем хотя бы в одном источнике Манефона, или если Манефон допускал по каким-то причинам такое представление об этом правителе даже в отсутствие прямо признающих его царем списков и других источников), и второго из них как двух последовательных царей (в то время как сводные традиционные царские списки в этой ситуации легко могли бы опустить первого вовсе).

Наконец, следует повторить, что сами новоегипетские царские списки существенно различались по подробности и взглядам на возможности включения тех или иных царей (так, царей Амарны от Эхнатона до Эйе все известные нам и верифицируемые на этот счет¹⁶⁴

---

¹⁶² В самом деле, в Сказке об Апопи и Секененра (дошедшей на папирусе той же эпохи XIX династии, что и Туринский папирус) Апопи, государь Авариса, «Города азиатов» (правящий согласно тексту еще в то время, когда Фивы оставались покорным вассалом гиксосов Авариса), рисуется хотя и плохим правителем (от него исходит «беда», и он почитает вместо Ра одного Сутеха), но далеко не в таких черных красках, как гиксосские цари в манефоновском нарративе, никакой жадой уничтожить Египет и египетский народ Апопи не наделен. При этом он подчеркнуто определяется составителями текста Сказки титулом *несу* (как и фиванский Секененра; но Апопи определяется в тексте этим титулом еще и намного чаще, чем Секененра).

¹⁶³ Манефон в этом отношении стоял на позиции, средней между отношением к гиксосам при XIX династии (ко времени которой относится Туринский папирус), и намного более суровым отношением к гиксосам времен Камоса и Хатшепсут, при котором ни в какие царские списки гиксосских правителей вносить не могли бы, см. Банщикова 2014: 116 сл. и ниже у нас, с. 242 сл.

¹⁶⁴ Эта оговорка касается Туринского канона: та его часть, в которой должны были перечисляться новоегипетские цари, не сохранилась, так что

царские списки, составленные при XIX династии, опускали как ультра-нелегитимных, согласно твердо установленному этой династией взгляду на указанных царей как на «врагов» Египта, а не его *несу*¹⁶⁵ – но в манефоновский царский перечень эти цари тем не менее попали (см. прим. 86; как упоминалось, это значит, что в I-е тыс. перешла из II-го в обход указанной концепции какая-то иная традиция царских перечней, все же включающая царей Амарны).

При этом сам тот факт, что в новоегипетском Туринском перечне присутствуют династии I и II Переходных периодов, правившие в разное время в разных центрах, в том числе параллельно друг другу, означает, что в распоряжении составителей таких сводных перечней, как Туринский канон, находились (прямо или опосредованно) *местные* списки царей таких местных династий, составлявшиеся при них самих или впоследствии – в центрах, где они правили. Как ярко отметил А.Е. Демидчик в любезном письме нам, «очевидно, что египетские и «гражданская» (номовая, городская), и храмовая администрации всегда испытывали колоссальную потребность в правильном отсчете временных интервалов, и потому должны были иметь протяженные и подробные (= «сплошные», без разрывов) списки царей; в храмах – еще и с указаниями знаменательных событий». В центрах власти местных династий происходило все то же самое, и выработанные там царские списки были доступны (уже потому, что их хранили в храмах) и позднее, после исчезновения данного местного царства (см. ниже пример с вероятными аварисскими царскими списками).

Но раз так, то информация таких местных списков вполне могла, если не должна была доходить и до позднеегипетских хранителей знания, включая Манефона. Между тем составители этих местных списков, разумеется, считали легитимными всех царей, правивших в соответствующем центре, независимо от того, какой точки зрения на них придерживались позднейшие общеегипетские династии. В таком случае до Манефона, благодаря этим местным спискам, вполне могла прийти информация о правителях, которых не упоминали в официальных новоегипетских царских списках, и это создавало бы для Манефона ту самую ситуацию необходимости выбора между разными присутствующими в его источниках точками зрения на то, являлся ли данный правитель царем-*несу*, о которой говорилось

судить о том, упоминались ли там цари Амарны, с полной уверенностью нельзя.

¹⁶⁵ См. подробно Ладынин, Немировский 2001.

выше: в данном случае Манефону пришлось бы выбирать между оценкой, восходящей к местным царским спискам (или к некоему включившему их информацию списку общеегипетскому), и противоположной оценкой, выраженной в каких-то сводных общеегипетских списках. Вовсе не обязательно Манефон должен был бы предпочесть именно вторую из этих оценок. Это еще одна причина, по которой можно допускать появление в манефоновском перечне царей и даже династий, опущенных в Туринском каноне.

В частности, наличие в самом Туринском каноне аварисской династии из *б хекау-хасут*, с указанием их имен и сроков правления, мыслимо только как результат использования местных аварисских царских списков, которые велись при самих гиксосах и каким-то образом были доступны впоследствии [Redford 1986: 198 ff.] – не считать же, что это фиванские цари II Переходного периода вели учет правлений своих гиксосских сюзеренов и врагов, или что после падения гиксосов кто-то задним числом составил, т.е. реконструировал перечень «*б хекау-хасут*» путем исследования памятников гиксосских царей давнего прошлого!

Но в таких аварисских царских списках последовательность гиксосских царей Авариса доводилась бы, естественно, до того последнего момента, когда их составляли – т.е. до самого падения Аварисского царства или до момента, близкого к нему. Таким образом, независимо от того, как относилась к последним гиксосским правителям Авариса официальная новоегипетская традиция, списки, полностью или почти полностью включающие этих правителей как царей, были доступны в новоегипетские времена (повторим, что без знакомства с подобными списками составителям Туринского канона неоткуда было взять и их перечень «*б хекау хасут*») – а, стало быть, соответствующая информация могла сохраняться и во времена позднеегипетские (особенно учитывая отношение египтян к своему прошлому и в общеегипетском, и в местном масштабе). Тогда даже в том случае, если какие-то цари Авариса в Туринском каноне и других общеегипетских списках Нового Царства, даже самых полных, не появлялись, Манефон, тем не менее, мог бы знать и упоминать о них (и даже, при желании, включать их в свой царский перечень) в силу знакомства с местными царскими списками, или с иными местными источниками, или с восходящей к ним информацией.

Эти умозрительные соображения пригодятся нам впоследствии при обращении к фигуре гиксосского царя Апопи Ааусерра и его

возможного места в египетском историописании (разд. IX, с. 240–275).

III. Нумерация династий у Манефона.

В изложении Манефона у Иосифа Флавия присутствуют манефоновские перечни царей нескольких династий (XV-й, XVIII-й, XIX-й), но номера этих династий в изложении Флавия не упоминаются; они известны исключительно по Африкану и Евсевию. На этом основании в литературе издавна распространилась та мысль, что в оригинальном труде Манефона нумерация династий отсутствовала, да не было и самого перечня династий от начала до конца египетской истории (а перечень царей каждой династии вводился по ходу повествования отдельно, отмежеванный от перечней царей других династий обширными нарративными пассажами, – именно это имеет место в нарративных фрагментах «Египтиака», переданных Иосифом Флавием, где, кстати, никаких номеров династий или иных их именовании, или даже самого определения их как отдельных «династий» нет – они просто вводятся в разных местах текста по ходу изложения как обособленные друг от друга группы царей с указанием срока правления каждого царя); ввели же непрерывный перечень и нумерацию династий лишь некие более поздние авторы¹⁶⁶, первыми составившие эпитому манефоновского труда (посредством извлечения из его текста содержащихся в нем отдельных династических перечней, охарактеризованных выше, и перечисления их подряд). При таком взгляде на дело облегчались возможности постулировать ошибки эпитомизаторов, в том числе в представлении параллельных династий Манефона как последовательных: если в самом труде Манефона династии вводились по отдельности, независимо одна от другой, и их историко-хронологическое сопряжение в сводном или ясном виде не оговаривалось вообще, то на этот счет не так трудно было бы ошибиться.

Вообще говоря, не было бы ничего странного, если бы Манефон, вопреки изложенному выше мнению, сам приложил к своему труду в качестве заключения (или иначе) сводный царский перечень (помимо того введения династий по отдельности, которое, как показывает изложение Флавия, он практиковал в основном корпусе своего

---

¹⁶⁶ Beckerath 1964: 11–13, 19, 25; Redford 1986: 241. not.41; Beckerath 1998: 35.